

Н. С. Лесков.

Русские общественные заметки

Каждому, конечно, известна пословица: "На волка слава, а овец таскает Савва", и другая: "Чему посмеешься, тому поработаешь", но едва ли всякий поручится, что, зная первую пословицу, он по второй не поработал тому самому, над чем издевался. Дел, в которых легко наблюдать это, целая бездна, и больших, и малых, и частных, и имеющих значение вполне общественное. Не только частный человек сплошь и рядом укоряет ближнего в том, чему сам со всеусердием работает, но и целые сословия нередко упрекают друг друга в том, в чем они не имеют одно перед другим никаких преимуществ. Даже один век нередко посмеивается над другим, вовсе не замечая, что и его дни в известном смысле не лучше дней отошедшего века. Упивающийся ценным вином и проводящий непотребную жизнь барин не смущаясь разглагольствует о пьянстве и разврате народа и требует для него "узду с гремушками да бич"; ханжа, преследующий ближнего своего судебным порядком за недоплаченный грош, бестрепетно подходит к алтарю и читает: "остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должником нашим", и гремит против безверия века; праздноты упрекает всех в лености; грабитель корит других за корыстолюбие, и т. д., и т. д. Всего этого не перечтешь и не перечислишь, но что всего в этом замечательнее – это то, что такие несообразности делаются не холодно, не сознательно, не **по-фарисейски**, а довольно искренно. Люди, по своему легкомыслию и страсти к осуждению, даже как бы и не замечают того, о чем лепечут, и потому не видят своей работы в пользу того самого, над чем глумятся и издеваются.

В не очень давнее время, именно во дни, предшествовавшие освобождению помещичьих крестьян от крепостного состояния, был явлен весьма крупный и внушающий пример такой неправой укоризны, поддерживаемый друг против друга целыми сословиями. В те дни,

**Когда был в моде трубочист,
А генералы гнули выю,
Когда стремился гимназист
Преобразовывать Россию.**

подвергалось жесточайшей опале дворянство. Сословию этому были позабыты все его заслуги и строго сосчитаны все его преступления и вины. В главнейшую вину дворянству вменялось его крепостничество – его "**владение крещеною собственностью**". Под дворян подкапывались все, не исключая купечества и даже духовенства, одного из представителей которого покойный граф М. Н. Муравьев остановил от такого труда самым энергичным образом. Малообразованное и вообще неповинное в знании отечественной истории общество русское сочувствовало и чуть не рукоплескало таким нападкам на рабовладельчество дворян, что, конечно, весьма понятно; но странно, что во все это время никому не пришло в голову, что у нас отнюдь не одни же дворяне повинны в недостойном рабовладельчестве, что у нас точно так же, как помещные дворяне, владели крепостными людьми и купцы, и духовенство, и чиновники, приписывавшие "своих людей" к городским домам и к капиталам, и даже однодворцы, которые и по своему воспитанию и по образованию, и по образу жизни были такие же крестьяне, как и та "**крещеная собственность**", которою они владели на всех помещичьих привилегиях. Этого у нас словно не знали, да, кажется, и в самом деле очень многие не знали, несмотря на то, что отображение крестьян от однодворцев происходило на живой памяти живущего поколения, которое еще не признает себя старым. Не вспомянуто было ни однажды и того, что все разночинные рабовладельцы освободили своих крестьян **по указу**, а (как бы там ни было) не по доброй воле, и освободили их без земли, в полную бесприютность, а некоторые даже (однодворцы) прямо на высылку на Кавказ и на Мангишлякский полуостров.

"Московские ведомости" недавно выразили ту мысль, что нашему обществу небесполезно еще высказывать и повторять самые общеизвестные истины, – это можно принять и развить гораздо далее: для очень многих людей нашего общества, претендующих на звание людей образованных, действительно совершенно впору и в пользу было бы, если им под видом новостей сообщать в